

Механизмы децентрализации как средство урегулирования конфликтов в западноевропейских полиэтнических системах

Несмотря на все множество средств решения национальных проблем, децентрализация включает в себя наиболее эффективные механизмы разрешения этнических конфликтов.

Понятие «децентрализация» - это рассредоточение власти, автономное существование и свободное использование в рамках определенной территории или сообщества собственного языка и культуры. Оно включает в себя и понятие «федерализм». Федерализм - это продукт взаимодействия сил, заключивших исходный компромисс, он отражает конфликты, сотрудничество и перекрещивание интересов различных групп. В данной работе федерализм рассматривается как крайняя, законченная степень децентрализации, закрепленная на уровне Конституции, как политико-правовое институциональное явление.

Таким образом, децентрализация - это рассредоточение власти, самоуправление в области политики, языка и культуры; федерализм; предоставление той или иной степени автономии, политико-правовой механизм разделения власти.

В первой части работы рассмотрен бельгийский этнический конфликт и его политическое решение в свете осуществленных в стране политико-институциональных реформ по выстраиванию, нового для Бельгии, федеративного государственного устройства. Во второй части представлен и исследован опыт разрешения этнического конфликта в Испании; акцент здесь будет сделан на политико-правовых механизмах урегулирования национального вопроса в этой стране (так называемая модель «автономных сообществ»).

В Бельгии тесное переплетение национальных, языковых, экономических проблем, связанных с существованием двух национальных общностей: нидерландоговорящих фламандцев и франкоговорящих валлонов, составляло источник постоянного, периодически обострявшегося конфликта. Идея снижения степени напряженности конфликта путём преобразования Бельгии, страны с унитарной политической системой, в федеративное государство с предоставлением автономии Валлонии и Фландрии, обсуждалась, на-

чая с XIX века. Таким образом, в Бельгии существуют две большие этнические группы населения: нидерландговорящие фламандцы и франкоговорящие валлоны. Кроме того, особое место занимает франкоговорящее население Брюсселя, наличие которого лишь обостряло и обостряет конфликт до сих пор. То есть страна разделена практически на две части: на севере живут фламандцы, на юге - валлоны; Брюссель располагается на территории Фландрии, однако там [в Брюсселе] живёт преимущественно франкоговорящее население. Конфликт состоит в том, что фламандцы были существенно ограничены в использовании своего языка и культуры, то есть в рамках бельгийского государства существовало притеснение французским меньшинством фламандского большинства в области языка и культуры.

С точки зрения государственно-территориального устройства, Бельгия являлась унитарным децентрализованным государством с тремя уровнями управления - государственным, провинциальным и коммунальным - и в таком виде существовала вплоть до 70-х годов нынешнего столетия. Наиболее значимые конституционные реформы 1893 года и 1921 года, связанные с расширением избирательных прав и введением системы пропорционального представительства, юридически закрепляли усиление роли фламандского населения в политической жизни страны, что отнюдь не сопровождалось ликвидацией его принижённого положения в области языка и культуры. В 1930 году был сделан первый шаг в решении проблемы - достигнут так называемый «компромисс бельгийцев», в результате которого фламандский язык был уравнен в правах с французским. Однако конфликт не прекратился, наоборот, фламандское национальное движение вступило на путь национализма (1).

Слова бельгийского социалиста Жюля Дестре, обращённые к королю Альберту I в 1912 году, о том, что в Бельгии есть валлоны и фламандцы, но нет бельгийцев, не утратили своей актуальности и во второй половине XX века (2). Более того интенсивное экономическое развитие Фландрии после Второй Мировой войны усилило противоречия между двумя крупнейшими языковыми общинами Бельгии (франкоговорящей и нидерландговорящей), что потребовало принятия необходимых мер для сохранения государственного единства страны. Прежде чем говорить о политическом решении конфликта, необходимо дать краткий исторический обзор того, что предшествовало реформам и каким образом та или иная этническая группа пришла к тем требованиям, которые были удовлетворены и явились базисом для конституционных изменений в стране, так как современная структура Бельгии явля-

ется непосредственным результатом удовлетворения претензий этнических групп.

Рут Ван Дейк в своей статье «Регионализм, Федерализм и права меньшинств в Бельгии» пишет о двух формах этнической идентификации и мобилизации, которые проявились в Бельгии со времён провозглашения независимости (1830 год) и примеры чему мы видим и по сей день (3). Старейшим этническим движением является фламандское, которое ведёт своё происхождение от движения за равноправие языка. В независимой Бельгии официальным языком был французский. Французский был для франкоговорящей элиты, которая управляла страной, единственным подходящим языком для политики, экономики и науки; он же являлся и языком культуры. Фламандцы из средних слоёв, которые умели читать и писать, выступали против дискриминации и требовали для фламандского языка места в общественной жизни. Это движение стало в первой половине XX века настоящим фламандским национальным движением. Под влиянием демократизации общества и повышения уровня образования всё больше фламандцев начали связывать своё социально-экономическое отставание с неравноправным статусом своего языка. Этническая идентификация проявилась в создании фламандских национальных партий и обществ для защиты собственно фламандских интересов (4). В итоге в 1962-1963 годах фламандское движение достигло важной цели: нидерландский язык стал единственно официальным языком во Фландрии, французский - в Валлонии и немецкий - в небольших областях восточной Бельгии. В Брюсселе в официальных учреждениях разрешалось пользоваться французским и фламандским языками. В частной жизни каждый имел право говорить на том языке, на котором пожелает.

Таким образом, был пройден первый этап в разрешении конфликта: с одной стороны, постоянное давление со стороны фламандского движения вынудило политическую элиту страны пойти на кардинальные уступки, с другой - сама политическая элита вынуждена была принимать определённые меры для снижения степени конфликтности. Данный этап впоследствии повлиял на последующие процессы и проблемы, появившиеся в связи с введением фламандского языка в качестве официального на половине территории Бельгии. Можно было наверно говорить об окончании конфликта на этой стадии, так как фламандцы добились максимум чего хотели. Однако этим дело не закончилось, и среди франкоговорящих валлонов наметились тенденции, появившиеся в ответ на новый статус фламандского языка, и, соответственно, всех фламандцев. То есть проявилась другая форма этнической принадлежности и

мобилизации с валлонской франкоязычной стороны. Она возникла именно как реакция на только что описанный процесс фламандской идентификации и мобилизации и в тоже время как следствие экономической отсталости валлонского региона (5).

Валлонское сознание всегда было неким смещением региональных и языковых элементов (6). Поиск равновесия между требованием большей автономии для Валлонии, с одной стороны, и поддержанием «солидарности» между валлонами и остальными франкоязычными бельгийцами (в Брюсселе и его окрестностях) - с другой, оказался делом непростым. Валлонское движение было обеспокоено тем, что фламандцы могут занять доминирующее положение в стране.

По численности населения валлоны всегда были меньшинством в Бельгии. Уступки требованиям фламандцев в конце XIX века рассматривались как первый шаг на пути к будущему фламандскому господству. Поэтому неудивительно, что вначале лидеры валлонского движения столь сильно хотели сохранения централизованного унитарного франкоязычного государства. Это было одной из главных причин, почему разрешение этнического конфликта в Бельгии затягивалось достаточно долгое время. Позиция валлонов была гарантией сохранения положения меньшинства - франкоязычных жителей, от численного большинства - фламандцев. Когда в 1919 году было введено прямое всеобщее избирательное право (один человек - один голос), валлонов охватил страх перед численным преимуществом фламандцев. По прошествии времени региональное направление в валлонском движении одержало верх. Его лидеры требовали большей автономии для Валлонии, так как в сфере культуры и языка они были свободны, а вот в политике - со временем - могли потерять своё преимущество.

Опасение доминирования Фландрии ещё больше возросло после Второй Мировой войны, как уже говорилось, в связи с тем, что Фландрия стала экономически более преуспевающим регионом. То есть возник второй фактор, который до поры до времени сдерживал принятие мер по снижению степени конфликтности в стране.

Таким образом, на начало 70-х годов в Бельгии возникли две формы региональной этнической идентификации и мобилизации. Фламандское движение, возникшее ранее, требовало языковой и культурной автономии, то есть положения, способствовавшего признанию и развитию собственного языка и культуры. Валлонское движение, как реакция на фламандское, требовало региональной автономии - самоуправления в социальных и экономических делах. Конечной целью было преодоление экономического кризиса в сво-

ём регионе. Следствием этой двойной динамики стало требование франкоязычных брюссельцев превратить их город в самостоятельную полноправную область.

Выполнение этих требований было проблематично из-за географического положения Брюсселя - внутри Фландрии. По мнению фламандцев, вся область, прилегающая к Брюсселю, должна стать неотъемлемой частью Фламандского сообщества. Валлоны не могут смириться с тем, что восемьсот тысяч франкофонов попадут под управление фламандцев. По их мнению, Брюссель должен стать особой областью. Иначе говоря, фламандцы и валлоны стоят на противоположных позициях. При этом компромисс возможен, когда обе стороны идут на уступки, делая шаг навстречу друг другу (7). Единственно возможным вариантом разделения государства на сообщества является предоставление автономии языковым общинам и регионализация государства с предоставлением автономии областям.

Юридической основой решения межэтнического конфликта стали конституционные реформы 1970, 1980, 1988 и 1993 годов, ознаменовавшие переход Бельгии от унитарного государственного устройства к федеративному. Поправкой 1993 года Конституция зафиксировала новое государственно-правовое состояние страны: «Бельгия является федеративным государством, состоящим из сообществ и регионов» (статья 1) (8).

Как уже было сказано, в Бельгии существовали две формы региональной этнической идентификации и мобилизации, что и явилось основной причиной того, что преобразование страны в федерацию превратилось в появление особого типа федеративного устройства. Это явилось единственно возможным механизмом разрешения этнического конфликта. Во-первых, в Бельгии было узаконено существование трёх сообществ (Фламандского, Франкоязычного и Немецкоязычного) - это был ответ на требования фламандского населения, так как именно оно на протяжении почти всей истории Бельгии добивалось автономии в области языка и культуры. Во-вторых, новое федеративное устройство страны предусматривало территориальное деление на три области (региона) - Фландрию, Валлонию и Брюссель. Территориальный принцип автономии реализован для гарантий, прежде всего, самоуправлению франкоязычных жителей Валлонии, и как механизм защищающих франкоязычных жителей Брюсселя от доминирования фламандского большинства.

Вопросы, в решении которых сообщества соответственно обременены полномочиями областей, - особого рода. Области уполномо-

чены заниматься целым рядом проблем, касающихся экономики и окружающей среды, проведения общественных работ, организации работы транспорта, поддержания общественного порядка и решения задач, связанных с местным самоуправлением.

Сообщества, напротив, имеют полномочия, касающиеся культуры, образования и языка, а также личных дел граждан.

Таким образом, бельгийский этнический конфликт был разрешён благодаря предоставлению автономии фламандцам и валлонам (франкоязычным) в решении вопросов, отнесённых к ведению областей и языковых сообществ; кроме того, немаловажную роль сыграло «допущение в некоторой степени асимметрии в законодательных и исполнительных институтах» (9).

Таким образом, двусоставная федерация, сменившая в Бельгии унитарное государство, создала основу для нормальных отношений между фламандцами и валлонами (франкофоками). Каждая этническая группа получила практически всё, что хотела. Модель федеративного устройства соответствует интересам как регионов (территориальный принцип), так и языковых сообществ. Однако если Фландрия и Валлония используют на своей территории только один язык - фламандской или французский, то Брюссель - представляет собой двуязычный лингвистический регион, в котором узаконено применение обоих языков, так как наличие смешанного населения не позволяет провести чёткие границы между фламандским и французским сообществами. Поэтому, решение брюссельского вопроса выходит за рамки стандартного подхода к решению проблем, который был применён в Бельгии. Ситуация обостряется парадоксальным положением: территориально - Брюссель входит в состав Фландрии (то есть столица окружена территорией Фландрии со всех сторон); с языковой же точки зрения - Брюссель является преимущественно франкоязычным регионом. Поэтому, решение проблемы Брюсселя явилось компромиссом между двумя сообществами: регион получил территориальную автономию в составе федерации, что отвечает интересам французского сообщества; языковая же община фламандцев в Брюсселе имеет достаточно широкие полномочия в сфере образования, культуры и языка. Кроме того, уступкой франкоязычного большинства Брюсселя является то, что в 1988 году фламандцы получили гарантированное представительство в правительстве Брюссельской области. Несмотря на то, что только 1/6 часть населения региона голосует за фламандские партии, то есть в парламенте Брюсселя лишь 11 из 75 (последние данные) (10) депутатов являются нидерландоговорящими, в правительстве области двое должны представлять фламандскую

языковую группу, двое других - французскую, а премьер-министр выбирается большинством голосов в обеих группах, которые составляют парламент Брюсселя - Столичных Совет. Таким образом, оба сообщества пользуются определённой автономией, их параллельное существование и их различия формально признаются, и они могут найти способ для совместного управления городом, то есть Брюссельской столичной областью.

В 1993 году Бельгия была провозглашена федеративным государством, это подвело черту под определенным этапом истории страны; по мнению премьер-министра В. Мартенса, это стало такой же вехой в истории страны, как и образование независимого государства в 1830 году (11). Структурные изменения в государственном устройстве стали результатом этнического конфликта, который имел место всю недолгую историю страны. Только федерализация Бельгии позволила решить многие проблемы, связанные с взаимоотношениями между фламандцами и франкофонами, точнее с их противостоянием друг другу.

Под этническим конфликтом в Испании подразумеваются те острейшие разногласия между национальными сообществами и государственной властью, т.е. конфликты между периферией и центром, которые возникли в этой стране в период авторитарного режима Франко. Мы не будем подробно рассматривать состояние дел в сфере национальных отношений при франкистском режиме, обозначив лишь возникший конфликт на этнической почве. То есть, прежде всего, необходимо вкратце сказать, в связи, с чем появилась конфликтность в отношениях между этническими группами и центральной властью. Главной же задачей этой главы будет выделение тех механизмов, с помощью которых в Испании смогли решить проблему, имевшую место с конца 30-х до начала 70-х годов XX столетия.

Во-первых, нужно отметить, что внимание будет обращено к политико-правовым способам урегулирования конфликта, т.е. связанных с принятием новой Конституции Испании и установлением новой формы государственного устройства - «государства автономий», которая, однако, не является ни федеративной, ни в полной мере унитарной.

Во-вторых, основной акцент будет сделан именно на этнической составляющей - и это является методологическим ограничением. Необходимо иметь в виду, что реформы в области государственного устройства затронули все составные части Испании, тогда как этническая компонента касается лишь трёх регионов - Каталонии, Галисии и Страны Басков. Поэтому, и рассуждения в данной главе

будут затрагивать преимущественно политико-правовые механизмы в отношении этих территорий, так как исследование других вопросов будет выходить за рамки темы работы и отходить от ее основной цели. Кроме того, рассмотрение конкретных механизмов в отношении определённой территории будет сделано на примере Каталонии, в силу наличия литературы именно по этому региону (12).

Испания - многонациональное государство. На долю испанцев (кастильцев) приходится 73% населения, каталонцев - 16%, галисийцев - 8% и басков - 2,5%. Таким образом, в Испании существует основной этнос и три основных национальных меньшинства. Все перечисленные нации проживают достаточно компактно, так что между ними существуют отчётливо выраженные границы, и они рассматриваются как основные действующие лица этнических процессов в испанской части полуострова. Как известно, борьба национальных меньшинств увенчалась временным успехом в ходе Второй республики. (1931-1939 гг.) при Конституции 1931 года, давшей Испании новое территориальное устройство. В итоге, Каталония и Страна Басков получили, а галисийцы вскоре должны были, но не успели получить, автономный статус.

Переворот генерала Франко и поражение республиканских сил в гражданской войне (1936-1939) привели к установлению в Испании на четыре десятилетия авторитарного режима, что закрыло вопрос об автономии. Франкистская диктатура создала жёсткое централизованное государство, прибегло к унификации в сфере национальных отношений (13). Завоёванная в годы республики автономия Каталонии и Страны Басков была упразднена; язык, культура и традиции басков и каталонцев жестоко преследовались. Обучение и официальное делопроизводство велись только на кастильском (испанском) языке, национальная проблема была объявлена несуществующей. Данная политика породила конфликт между центром и периферией, стимулировала региональный и национальный сепаратизм.

Уже с 60-х годов вопрос об автономии по сути дела был вновь поставлен в связи с мощным подъёмом этнонационального движения «окраинных» народов страны и переведён в практическую плоскость после 1975 года (14). Необходимость решения этого вопроса назрела настолько, что процесс обретения местного самоуправления начался ещё до принятия новой Конституции Испании. Этот период, в течение которого возникли так называемые «преавтономии» (pre-autonomies), должен был завершиться вступлением в силу новой, демократической конституции (15).

Таким образом, именно конституционная реформа (принятие новой Конституции) должна была стать основополагающим меха-

низмом, который, в конце концов, решит все конфликты на этнической почве.

Конституция 1978 года ознаменовала собой новый этап в истории Испании. Ей предстояло оформить новую структуру государства, пришедшей на смену централизованному унитарному государству. По действующей конституции «политико-территориальное устройство Испании остаётся унитарным, однако степень децентрализованности его такова, что по ряду параметров, как будет показано ниже, оно приближается к федеративному» (16). Новый основной закон установил новую форму территориальной организации политической власти, хотя конституция и не даёт ей никакого определения; эта форма известна как «государство автономий (самоуправляющихся сообществ)». Однако ключевым положением вводного раздела Конституции является нерушимость единства испанской нации, признающей и гарантирующей право на национальную и территориальную автономию (ст.2) (17).

Конституция создаёт основы необычной схемы политической децентрализации в рамках унитарного государства. Новая форма территориального устройства предполагает вертикальное распределение государственной власти между центром и т.н. автономными сообществами.

Наряду с принципами автономии, единства и солидарности в основе конституционной схемы политической децентрализации лежит ещё один принцип - принцип «ранжирования» или принцип «ограниченной свободы» (18). Чтобы Конституция соответствовала различному положению и различным целям испанских национальностей и регионов, «отцы-учредители заложили только основы и учредили процедуры, позволяющие различным территориям, не выходя за рамки Конституции, достигать той степени автономии, к которой они стремились» (19). Это позволяет говорить о том, что преодоление конфликта является не только предметом заботы центра, который занимается разработкой конституционной реформы, но и самого этнического сообщества. Допустим, разногласия на этнической почве имели место по определённым перечню вопросов, из-за которого государство и сообщества конфликтовали. Реформа решает этот вопрос: центр устанавливает максимальную границу автономности, а сообщества берут себе такую степень автономии, которая могла бы удовлетворить все его специфические интересы и таким образом разрешила бы полностью этнический конфликт. Достаточно интересная модель, да ещё и в рамках унитарного государства.

Рассмотрим эту абстрактную юридическую схему на конкретных примерах. В настоящее время на территории Испании существуют

17 автономных сообществ, из которых Каталония, Страна Басков и Галисия охватывают ареалы проживания соответствующих коренных народов - каталонцев, басков, галисийцев. Наличие автономных образований, имеющих собственные статуты (уставы), «придают испанскому унитаризму черты децентрализации и асимметрии» (20). Таким образом, вместо трёх исторических регионов автономии получили все 17 территорий Испании, созданные, конечно, не по этническому принципу. Это связано, во-первых, с реакцией на жёсткий франкистский централизм, а во-вторых, с надеждой на экономическое возрождение, основанное на опыте Каталонии и Страны Басков, которые являются самыми развитыми регионами в стране.

Кроме того, Каталония, Галисия и Страна Басков имеют в своём основании национальный принцип, поэтому эти регионы (автономные сообщества) получили более широкие полномочия, чем остальные территории. Этническим сообществам предоставлены все механизмы, решающие полностью этническую проблему. Степень децентрализации доведена до такой степени, что какой-либо конфликт или претензии автономного сообщества к центральным государственным органам отсутствуют вообще. Это и можно наблюдать в современной Испании.

То есть, в данном случае (что касается этнических автономных сообществ), необходимо выделить принцип особого, более высокого уровня автономии регионам (автономным сообществам), обладающим особой культурно-языковой сущностью. Иначе говоря, здесь речь идёт как раз о решении собственно национальной проблемы (этнического конфликта). Как уже говорилось, в Испании это касалось лишь каталонцев, басков и галисийцев, и критерием являлся сам факт наличия у них регионов политической автономии до 1939 года, то есть до установления франкистской диктатуры (21).

Однако возникает резонный вопрос: возможна ли в данных условиях в Испании федерация? То есть, будут ли когда-нибудь обладать полным статусом государственных образований все 17 автономных сообществ Испании, тогда как сейчас данный статус реально имеют только три региона. Данный вопрос выходит за рамки политических процессов. Испания состоит из нескольких регионов и национальностей, имеющих различный численный, а главное, экономический вес, что делает возможным создание «асимметричных» форм устройства между центром и регионами (22). Отсюда, существуют две причины, которые не позволяют говорить об испанской федерации: во-первых, нынешнее «государство автономий» с более высоким статусом этнических автономных сообществ лучше подходит для «асимметричного» развития испанских регионов, чем

федерация, в которой бы чисто территориальные слабо развитые области имели бы равный статус с национальными высокоразвитыми сообществами, что впоследствии бы порождало неизбежный конфликт; во-вторых, структура «государства автономий» отвечает и требованиям национального самоуправления, и сохранению в испанских условиях сильного центра (23).

Таким образом, политико-правовые механизмы разрешения этнического конфликта достигли своей непосредственной цели - урегулировали национальную проблему.

В работе были рассмотрены проблемы децентрализации в двух западноевропейских полиэтнических государствах: Бельгии и Испании. Механизмы децентрализации исследовались как способы разрешения этнических противоречий. Эти два явления включают в себя всю совокупность средств решения национальных проблем.

Прежде всего, о сущности этнического конфликта. В Бельгии конфликт связан с наличием в рамках единого государства двух этнических групп, которые составляют в целом почти все население этой страны. То есть противоречия уже изначально заложены в самой структуре государства, которая была сформирована в 19 веке при образовании не зависимого бельгийского государства. В то время как в Испании конфликт изначально не присущ политической системе, наоборот исторические традиции таковы, что в стране всегда существовали механизмы, которые были направлены на бесконфликтное существование в Испании этнических меньшинств.

В связи с этим возникает вопрос о причинах возникновения и обострения этнических противоречий в исследуемых системах. Бельгийский конфликт возник из-за того, что одна из этнических групп (франкофоны), имеющая преобладающее положение в связи с высоким статусом своего языка и культуры, притесняла другую (фламандцев) в вопросах культурно-национального развития, что вызвало неизбежную реакцию в виде широкого национального движения за свободное использование своего языка и развития национальной культуры. Причина этнического конфликта в Испании - жесткий авторитарный централизм режима Франко, который лишил этнические сообщества автономии в осуществлении власти и в вопросах развития языка и культуры. Централизм не свойственен политической системе Испании, в результате чего и возникли противоречия между государством и национальными меньшинствами.

Исходя из причин, главный способ решения этнических проблем заключался в децентрализации власти и предоставлении автономии тем или иным этническим сообществам. В Бельгии проведена реформа государственного устройства, итогом которой стала дву-

составная федерация, сменившая унитарное государство, и состоящая из трех регионов и трех языковых сообществ. В результате чего большая часть проблем была устранена, и конфликт в Бельгии исчерпал себя как серьезное явление.

Национальный вопрос в Испании тоже решен с помощью децентрализации государственной власти и передачи широких полномочий «автономным сообществам». Все изменения, как и в Бельгии, закреплены на уровне Конституции, что позволяет говорить о новом устройстве как о «государстве автономий». Но, имея характерные черты федерации, новая форма организации власти таковой не является; можно лишь говорить, что Испания имеет децентрализованное унитарное государственное устройство. Все выше изложенные реформы практически решили проблемы, связанные с наличием в Испании этнических меньшинств.

-
1. Намазова А.С. Межнациональные отношения в Бельгии // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 15.
 2. Конституция Бельгии (вводная статья) // Конституции государств Европейского союза. - М., 1997. С. 103.
 3. Дейк Р. ван. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии. // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. с. 254.
 4. Там же
 5. Дейк Р. ван. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии. // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. С. 255.
 6. Там же
 7. Дейк Р. ван. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии. // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. С. 256.
 8. Конституция Бельгии (вводная статья) // Конституции государств Европейского союза. - М., 1997. С. 103.
 9. Дейк Р. ван. Указ. соч. С. 257.
 10. Десхауэр К. Дотянет ли Брюссель до следующего века? // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. С. 270.
 11. Намазова А.С. Указ. соч. С. 21.
 12. Эспадалер Э.Ф. Автономия Каталонии // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. С. 276-290.

13. Хенкин С.М. Испания после диктатуры (социально-политические проблемы перехода к демократии). - М., 1993. С. 20.
14. Кожановский А.Н. Народы Испании во второй половине XX века. - М., 1993. С. 7
15. Эспадалер Э.Ф. Указ. соч. С. 278.
16. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. В 4-х томах. Том 3. - М., 1998. С. 247.
17. Конституция Испании (вводная статья) // Конституции государств Европейского союза. - М., 1997. С. 363.
18. Эспадалер Э.Ф. Указ. соч. С. 279.
19. Там же
20. Конституция Испании (вводная статья) С. 363
21. Черкасова Е.Г. Испания: переход к демократии и национальной вопрос // Мировая политика и международные отношения. 1994. № 4. С. 125.
22. Коппитерс Б. Предисловие // Этнические и региональные конфликты в Евразии в 3 кн.: кн.3. - М., 1997. С. 13.
23. Национальный вопрос: опыт социал-демократии (материалы круглого стола) // Полис. 1991. № 2. С. 91.